

Пара изящных, словно выточенных из нефрита, ножек в лёгких шёлковых туфлях цвета небесной лазури грациозно ступила на мост, едва колыхнув подол бирюзового шёлкового платья. Говорившая женщина имела выразительные черты, её глаза сияли, как отражённая в воде луна. Лицо скрывала полупрозрачная вуаль, в руках она нежно обнимала пипу, а вокруг неё витал сладкий, дурманящий аромат.

Настоящая редкая красавица.

Только этот аромат...

А Цзю слегка нахмурил брови, потирая переносицу, и подумал: «Как густо пахнет Волей Опавших Цветов».

Взгляд его скользнул по окружающей темноте, будто выискивая, сколько ещё людей скрывается в тени вслед за этой женщиной, но на словах он был уже непреклонен:

— Жду я кого или нет — не скажу, но уж с вами-то точно никакой связи нет.

Женщина склонила голову набок и рассмеялась:

— Как же нет связи? Разве вы не связаны с моим учеником?

А Цзю резко поднял голову:

— Кто ваш ученик?

На словах он прикидывался непонятливым, но в душе уже складывалась картина: неужели это наставница Тан Шаотана?

Тётушка Чань не ответила. Лишь щипнула струны. Всего пара чистых, звонких звуков — и медные замки на мосту задрожали. Под её пальцами рождалась не прекрасная мелодия, а звуки, обрывающие душу.

— Сударыня, сами говорите — ночь глубока, а вы тут на пипе перебираете. Пугать людей собрались или призраков?

Тётушка Чань улыбнулась:

— Это уж как-нибудь само решится — господин вы человек или призрак.

А Цзю:

— Я, конечно, человек.

Женщина за вуалью слегка наклонилась вперёд, словно ей стало очень смешно.

— Я и не знала, что в Павильоне Ушоу могут воспитывать людей.

Говоря это, тётушка Чань не прекращала играть. Песня, что обрывает жизни и рвёт меридианы, лилась от кадра к кадру, волна за волной накатывая на слушателя.

А Цзю, защитив внутренней энергией сердце и оставив половину сил на случай неожиданностей, прислонился к перилам и принялся внимательно разглядывать женщину.

— Вы, должно быть, красавица, знаете про Павильон Ушоу, да ещё и так убийственно настроены... Вы из Павильона Радужных Одежд?

Тётушка Чань фыркнула:

— К чему эти вопросы, господин, если вы и так всё знаете? Кто я такая, вы не поинтересовались, когда связались с моим учеником?

Столько совпадений и «судьбоносных» встреч на свете не бывает — всё это лишь проделки тех, у кого есть свой интерес.

— Ваш ученик? Вы — наставница Тан Шаотана?

Тётушка Чань тихо вздохнула:

— Неужели господин намерен продолжать этот фарс?

А Цзю продолжал гнуть своё:

— Погодите, это я к нему «пристал»? — Он даже, кажется, начал заводиться. — Это он вам так сказал? А я-то думал, это он ко мне привязался.

В искусстве софистики А Цзю был большой мастер.

Тётушка Чань с лёгкой досадой покачала головой, и её серёжки-кисточки чуть качнулись, но вид её от этого ничуть не утратил очарования.

— Ладно, раз господин не желает говорить серьёзно, так и вовсе помолчите.

Её убийственный дух резко вознёсся. Пальцы, перебирающие струны, на миг замерли, затем кисть резко повернулась, и тыльной стороной ногтей она ударила по струнам, вырвав из них пронзительный, за душу хватающий звук — мощный, как внезапно нахлынувшая волна.

Сцепившиеся на перилах Сорочего моста медные замки, столкнувшись друг с другом, загудели пронзительным, многослойным скрежетом, словно оплакивая свою судьбу — вот-вот разлететься вдребезги — и впадая в беспомощную, невыразимую тревогу.

А Цзю взметнулся на перила моста и, словно водомерка, скользящая по воде, отпрыгнул на несколько шагов назад, всё ещё строя шутовскую гримасу.

— Я такая ценность, а вы меня — убить?

Тётушка Чань неспешно водила изящными пальцами по шёлковым струнам. Звуки, что лились из-под её рук, были полны убийственной силы, но сама исполнительница по-прежнему сияла ясным взглядом и чарующей улыбкой.

— Господин шутит. Если бы я не собиралась вас убить, зачем бы я стала играть для вас песенки?

А Цзю беспечно помотал головой:

— Цыц-цыц. Убьёте меня — и так и не узнаете...

Едва он начал фразу, как её окончание потонуло в оглушительном треске. Из-под пальцев

тётушки Чань полилась та самая песня, что рвёт души. Её то взмывающая, то падающая мелодия была, словно тяжёлый молот, прямо в сердце, вздымая фонтаны брызг. Деревянный мост с грохотом разломился, и тысячи медных замков, обременённых тяжёлыми надеждами и клятвами, с лязгом рухнули на дно реки.

А человека на мосту и след простыл.

Тётушка Чань: «!?»

Сначала она уловила лёгкий аромат. Знакомый. При первом вдохании казалось, что он очень близок к запаху Воли Опавших Цветов, но в нём было и что-то неуловимо иное.

Затем она вспомнила, где встречала этот странный, едва уловимый запах. На другом человеке из Павильона Ушоу. Тогда ей сказали, что это аромат костей, аромат гу, ещё не покинувшего тело хозяина. В отличие от Воли Опавших Цветов, этот едва уловимый, мимолётный запах не приносил живому хозяину никакой пользы — свою силу он проявлял лишь после смерти носителя. И запах у него был такой — очень лёгкий, едва ощутимый, в обычных условиях его почти невозможно заметить.

Если только...

Источник не находился вплотную к тебе.

— Я уже маску снял, а вы что вуаль носите? — Холодный голос прозвучал у самого уха. Человек, что только что насмеялся на другом конце моста, теперь стоял вплотную, и его рука уже тянулась, чтобы сорвать её вуаль.

Тётушка Чань вынужденно прервала игру. Одной рукой она по-прежнему придерживала пипу, другой — принялась отражать атаки А Цзю.

А Цзю застал её врасплох, вынудив на время перейти от нападения к защите. Пусть она и оказалась в невыгодном положении, но не забыла про словесную контратаку.

— Господин разве не знает, что срывать с женщины вуаль без спроса — удел бесчинствующих негодяев?

Тьма отразилась в его глазах. А Цзю стушил улыбку и язвительно бросил:

— Знаю. А позвольте спросить, сударыня, известно ли вам, из чего делают душистые пудры и мази с ароматом Воли Опавших Цветов?

— ... — Брови тётушки Чань слегка дрогнули, но ответа не последовало.

Звук лопнувшей струны разорвал унылую зимнюю ночь. Пальцы А Цзю впились в четыре струны пипы, и, хотя вибрирующий шёлк резал ему ладонь, он, казалось, ничего не чувствовал. Он произносил каждое слово отчётливо, с расстановкой:

— Вы являетесь ко мне, облепленные вонючей Волей Опавших Цветов, и говорите мне о бесчинстве? Это я бесчинствую, или у вас рассудок забился?

Зрачки тётушки Чань расширились, на лице мелькнуло удивление. Однако это изумление длилось лишь миг, и она вновь расплылась в улыбке, словно расцветший цветок.

— К чему господину так гневаться? — Она откинула руку назад и сделала лёгкий,

призывающий жест пальцами.

Четыре ленты из узорчатого шёлка, пронизанные могучей силой, подобно радуге пронзили убогую ночную тьму и, словно гибкие побеги бамбука или лианы, обвили конечности А Цзю.

А Цзю: «...»

Те, что прятались в засаде, наконец-то показались.

Он усмехнулся, резко развернулся и отпрыгнул назад, насильно втянув в эпицентр схватки четверых, что скрывались во тьме. Все четверо были подручными тётушки Чань. Рванутые А Цзю, они на мгновение потеряли равновесие и пошатнулись, но руки, сжимающие шёлк, не ослабли. Напротив, следуя движению А Цзю, они все вместе перекувыркнулись в воздухе и отскочили назад.

Мгновение спустя все четверо почувствовали, как шёлк в их руках обмяк, потерял натяжение. Потеряв точку опоры, они в изумлении полетели навзничь.

Порвался?

Их снежно-белый шёлк, что мог обращаться в лезвие и чья гибкость не знала равных, — порвался?

У противника не было оружия, и ему некому было помочь. Как такое возможно?

На этом берегу реки четверо в растерянности переглядывались, не зная, что делать. На том берегу один человек стоял, гордо скрестив руки за спиной, а позади него из ничего возник чёрный туман, что, словно песок, обрёл форму, сплетаясь в колеблющийся, призрачный силуэт.

А Цзю в центре чёрного тумана приподнял бровь и усмехнулся:

— Кто сказал, что я один?

Тётушка Чань: «!»

Ходили слухи, что главу Павильона Ушоу сопровождают четыре посланника. Где бы он ни появился, за ним следует призрачная тень. Тех, кого он убивал, не оставалось в живых, и даже их костей нельзя было найти. Из-за своих ужасающих деяний, непостижимых для смертных, он и получил прозвище Призрачный Дьявол.

Призрачный Дьявол, как и сам глава павильона, обязан носить маску-личину.

Тётушка Чань собралась с духом, вспоминая слова А Цзю.

Он сказал: «Я уже маску снял, а вы что вуаль носите?»

— При-зрачный... Дьявол?

А Цзю развёл руки, потянулся во весь рост и лениво спросил:

— Теперь я достаточно значителен, чтобы узреть ваше истинное лицо?

Тётушка Чань успокоила дыхание и дух:

— Говорят, у нынешнего главы Павильона Ушоу не появлялся Призрачный Дьявол. Неужели вы и вправду он?

— А разве такое подделаешь?

Тётушка Чань с притворной шутливостью произнесла:

— Вдруг вы не Призрачный Дьявол, а сам глава Павильона Ушоу?

А Цзю моргнул и, усмехаясь, ответил:

— Так высоко меня цените?

<http://bllate.org/book/16258/1462897>